

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Месть: психоаналитический взгляд¹

Д. В. Сальникова

Сальникова Дарья Вячеславовна – психоаналитически ориентированный психотерапевт, кандидат социологических наук, доцент общеуниверситетской кафедры высшей математики НИУ ВШЭ.

Месть является повсеместным явлением, известным с древних времен, при этом в некоторых культурах обычаи возмездия за преступления закреплены даже институционально. Несмотря на это, не так много работ разбирают желание отомстить и его динамику с психоаналитической точки зрения. В настоящей статье я предпринимаю попытку метапсихологически осмыслить и реконструировать развитие желания мести. Я предлагаю деление динамики желания мести на четыре этапа, а именно: «Я уязвленное», «Я рассказывающее», «Я карающее» и «Я испорченное». В соответствии с этим делением в статье последовательно рассмотрены предпосылки, определяющие склонность человека к мести, разобраны манифестная история желающего отомстить, последующая регрессия до архаичного всемогущего Я и легитимация наказания объекта-агрессора; кроме того, обсуждается деструктивность стойкого и интенсивного желания отомстить. В результате я показываю, что желание отомстить и его развитие близки по природе к работе меланхолии. Данное исследование может представлять интерес для психоаналитических психотерапевтов, в материале клиентов которых появляются отсылки к тематике мести, и/или тех психотерапевтов, кто столкнулся с мстью в виде негативной терапевтической реакции.

Ключевые слова: желание мести, метапсихология, агрессивные влечения, меланхолия, инкорпорация, идентификация, манифестная история, нарциссическая регрессия, параноидные и шизоидные защиты.

¹ Автор статьи выражает благодарность своему научному руководителю Коротецкой Аурелии Ивановне (психоаналитик, врач-психиатр, проректор по учебной части Института психологии и психоанализа на Чистых прудах, член SPP, член IPA, член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти).

*«Старинные, бродячие стремленья,
Заглохшие в культуре, от веков,
Вдруг вновь переживают пробужденье,
И дикий зверь выходит из оков...»*

Д. М. О'Хара. «Атавизм»

Нередко как в литературе, так и в повседневной жизни можно встретить выражение «инстинкт мести». Так, психолог М. Маккаллоу считает, что желание мести, равно как и способность прощать, являются инстинктами, при этом социально-культурный контекст определяет, какой инстинкт оказывается более выраженным (McCullough, 2008). В надежде, что читатели данной статьи, претендующей на применение психоаналитического подхода к исследованию, не сочтут за дурной тон отсылку к позиции социолога, упомяну также Э. Дюркгейма, назвавшего месть «инстинктом самосохранения, ожесточенным опасностью» (Дюркгейм, 1996, с. 95). Такого рода указания на инстинктивную природу мести предполагают, что желание мести с той или иной степенью интенсивности возникает при определенных обстоятельствах у каждого человека. Недаром американская писательница С. Джейкоби в книге «Дикое правосудие: эволюция мести» назвала месть, наряду с любовью и стремлением к власти, одним из ключевым мотивов героев западной литературы (Jacoby, 1983). Несмотря на то что в данной работе я отнюдь не претендую на то, чтобы подтвердить или опровергнуть, что желание мести является врожденным, считаю важным на начальном этапе работы зафиксировать если не всеобъемлющий, то широкомасштабный характер такого феномена, как месть, что подтверждает актуальность обращения к тематике мести. Сразу оговорюсь, что в рамках данного исследования меня не интересует претворение задуманного сценария мести в жизнь, фокусом этого исследования являются фантазии о мести и их развитие, что представляет интерес для психоаналитического разбора.

Нельзя не отметить парадоксальность мести, что задает проблему текущего исследования. Зарождение желания мести неразрывно связано с предвкушением триумфа над обидчиком и получения таким образом галлюцинаторного удовольствия всемогущества. У субъекта появляется фантазм наказания обидчика, в ряде случаев появляется даже несколько сценариев «расправы», один изощреннее другого. Какое-то время проигрывание таких сценариев либидинально заряжает субъект, однако в дальнейшем динамика мести приобретает деструктивный характер, а именно становится разрушительной для самого субъекта. Отдельный интерес представляет появление тематики мести в рамках психотерапевтической работы, не только если пациент рассказывает психотерапевту о своем желании отомстить кому-то, но и в случае, если месть направлена на самого психотерапевта. Возникает логичный вопрос, что стоит за этим желанием отомстить, какова его природа. Я предполагаю, что патологическое желание мести, а именно интенсивное устойчивое в долгосрочной

перспективе, является одним из проявлений плохой способности или невозможности проделать работу горя.

В рамках этой работы я предпринимаю попытку метапсихологически реконструировать динамику желания мести. В соответствии с выделенными мной этапами зарождения и последующего развития желания мести текущая статья состоит из четырех частей, а именно «Я уязвленное», «Я рассказывающее», «Я карающее», «Я испорченное». Названия этапов предложены мной в качестве лаконичного способа отражения содержания каждого из этапов. Отдельное внимание в этой статье будет уделено рассмотрению желания мести в контексте сложности или неспособности проделать работу горя.

Я уязвленное

Я предлагаю начать рассмотрение динамики мести с самого момента возникновения желания отомстить. Именно зарождение этого желания и составляет первый этап интересующего меня процесса динамики мести.

В работе «Недовольство культурой» З. Фрейд отмечает, что агрессивность является одним из влечений человека, представляющих деструктивное влечение к смерти (Фрейд, 2013). В отсутствие тормозящих психических сил агрессивное стремление обретает спонтанную природу, и человек проявляет себя как дикий зверь, беспощадный в том числе и к представителям своего же рода. З. Фрейд противопоставляет власть общества власти каждого индивида в отдельности. Во избежание произвола в социальных отношениях, угроза которого возникла бы в случае предоставления неограниченной индивидуальной свободы действий как неконтролируемого выражения желаний, каждый человек должен отчасти принести в жертву свои влечения (*Ibid*). Так зарождается культура как форма упорядочения взаимоотношений индивидов. Кроме того, культура защищает индивида от собственных влечений. Невозможность по тем или иным причинам удовлетворить неконтролируемое влечение сталкивает индивида с принципом реальности в отличие от принципа удовольствия, что доставляет страдания. Культура, в свою очередь, частично компенсирует эти страдания, к примеру, посредством предоставления пространства вариантов для сублимации – смещения объекта влечения.

Одним из наиболее ранних культурных феноменов, распространенных в первобытных обществах, является табу. В основе табу – накладываются извне, чаще всего лицами, обладающими общепризнанной властью, запрет на действие, являющееся предметом сильного желания человека. Парадокс заключается в том, что табу само по себе является источником желания, так как введение запрета соблазняет человека на нарушение этого запрета (Фрейд, 2022). Не стоит забывать об амбивалентности: с одной стороны, человек под страхом наказания соблюдает введенное ограничение, с другой – наличие табу напоминает человеку о том, что его желание запрещено, что, в свою очередь, пробуждает в человеке стремление поддаться своему желанию и, соответственно, нарушить запрет. Кроме того, тот, кто осмелился нарушить запрет, порождает в других зависть,

напоминая окружающим об их запретном желании и одновременно соблазняя их на такое же нарушение. В качестве очередного напоминания о том, что табу основывается на отказе от желания, выступает тот факт, что нарушение табу, как правило, искуплялось воздержанием – отказом от того или иного блага (*Ibid*). Таким образом, можно сказать, что такое воздержание было призвано компенсировать изначальный отказ от некоторого сильного желания, которое человек бессознательно стремится нарушить.

Я не случайно выбрала в качестве эпиграфа к данной статье строки из произведения Д. М. О'Хары «Атавизм», которые довольно точно иллюстрируют природу агрессии как одного из влечений человека. Несмотря на то что культура сдерживает влечения («*Старинные, бродячие стремленья, загложившие в культуре, от веков...*» (Лондон, 1903)) человека, они, в частности агрессия, периодически интенсивно проявляются («*...вдруг вновь переживают пробуждение, и дикий зверь выходит из оков...*» (*Ibid*)). Культура выступает ограничивающим фактором, но именно сам факт введения ограничения свидетельствует о наличии запретного желания и, как следствие, может провоцировать человека на удовлетворение этого желания. В результате введения культурных ограничений влечения вытесняются, и в таком случае либидо вытесненных влечений трансформируется в так называемый «совестливый страх» (Фрейд, 2022, с. 107): обостряется чувство вины как свидетельство наличия искушения, скрытого в бессознательном.

За нарушением запрета следует наказание, которому вменяется инструментальная роль (*Maruna et al.*, 2004) успокоения чувства вины, а также предупредительной меры против повторения ситуации подчинения табуированному желанию как самим нарушителем, так и окружающими, которым отступление от запрета напоминает об их собственном влечении. Парадоксально, но само наказание может выступать не только в качестве защиты от угрозы, но и быть способом выражения деструктивных влечений. Реализация наказания служит удовлетворением стремления садистически атаковать другой объект.

Для понимания природы желания мести стоит обратиться к работе М. Кляйн «Зависть и благодарность» (Кляйн, 1957), в которой она обсуждает различия между жадностью, ревностью и завистью. Жадность относится к деструктивной интроекции. Процесс интроекции заключается в том, что Я субъекта принимает в себя объекты внешнего мира, тем самым перенося аутоэротический интерес на другие объекты (Ференци, 2000). В данном случае действует следующая логика: в силу того что возможна любовь только к себе, необходимым условием для любви к объекту является помещение этого объекта в Я субъекта. Деструктивность такого расширения Я в контексте жадности заключается в желании субъекта ограбить объект в такой мере, что превышает не только благо объекта, но и потребность субъекта в этом благе. Если субъект испытывает ревность, то он пытается удержать благо, которым уже обладает. Зависть же, как и жадность, предполагает желание ограбить объект, обладающий привлекательным для субъекта благом. Отличие зависти от жадности и

ревности заключается в том, что зависть — одновременно и желание испортить объект, обладающий благом, а именно внести в него плохие части себя (Кляйн, 1957). Таким образом, в основе зависти — механизм проективной идентификации.

Я полагаю, что желание мести наиболее близко к зависти: в его основе — также проективная идентификация. Посредством желания наказать внешний объект субъект проецирует свою бессознательную враждебность на этот объект. Плохие части Я субъекта помещаются внутрь объекта с целью не только испортить его, но и обладать с возможностью управлять им (Кляйн, 1946). При желании отомстить враждебность, изначально направленная против Я самого субъекта, теперь проецируется на объект (позднее, наоборот, ненависть по отношению к объекту-агрессору направляется обратно на Я субъекта). Граница между объектом и субъектом стирается: теперь объект воспринимается не как самостоятельная часть внешнего мира, а как плохая часть Я субъекта.

У субъекта зарождаются фантазии о мести объекту, к которым он при патологической склонности отомстить периодически в течение длительного времени возвращается. Воспроизведение сюжета(ов) наказания означает не только получение удовольствия от садистических атак на объект, но и переживание неудовольствия от возвращения к тому, что послужило основанием для зарождения желания отомстить, в этом случае речь уже идет про садизм, направленный на себя. Такой механизм самонаказания напоминает невроз навязчивых состояний.

Согласно Х. Кохуту, основанием для желания мести выступает нарциссическая ярость, спровоцированная нарциссической травмой (Kohut, 1972). Нарциссический гнев относится к проявлениям агрессии, однако все же занимает особое место среди этих проявлений. Жажда мести наряду со стремлением восстановить справедливость, ответить на причиненные обиды во что бы то ни стало — это то, что отличает нарциссический гнев (Ibid). Как отмечал З. Фрейд, потеря любви и неудачи приводят к появлению нарциссического шрама, ущемляющего чувство собственного достоинства и приводящего к устойчивому ощущению неполноценности (Фрейд, 2018). Думаю, и в данной работе будет уместно понимать потерю широко, не только как реальную потерю любимого объекта в связи с его смертью, но и любую обнажающую уязвимость Я утрату любви, безопасности и других благ. Непереносимость чувства унижения, стыда, стремление психически пережить разрушительную потерю или предательство провоцируют появление желания отомстить (Beattie, 2005). Человек, имеющий особую предрасположенность к стыду, к примеру в результате травмирующего опыта взаимодействия с садистическими матерью и/или отцом, склонен переходить из пассивной позиции в активную. То есть он, идентифицируясь с агрессором, жаждет атаковать другого и нанести ему нарциссические травмы, которые так страшат его самого (Kohut, 1972).

И здесь, казалось бы, можно усмотреть противоречие. С одной стороны, тот факт, что работает механизм нарциссической идентификации, позволяет заключить, что более подвержены стремлению отомстить индивиды

с патологическим нарциссизмом. С другой стороны, ранее я сделала вывод о том, что механизм воспроизведения фантазий мести близок к механизму самонаказания, наблюдающегося при неврозе навязчивых состояний, характерного для людей с невротической структурой организации личности. Однако дело здесь не в разграничении пограничного функционирования личности и невротической структуры, а в том, что так же, как и при нарциссическом слиянии, невроз навязчивых состояний может строиться на идентификации с объектом. Склонность к неврозу навязчивых состояний является предпосылкой для оживления конфликта амбивалентности чувств по отношению к объекту потери, что приводит к чувству вины за свою ненависть и самоистязанию (Фрейд, 2016b).

Состояние уязвленного Я возвращает к раннему опыту взаимодействия ребенка с первичными объектами. Особую чувствительность человека к нарциссическим травмам и погружение в состояние уязвимости можно объяснить в терминах концепции У. Биона. Когда младенец наряду с завистью и ненавистью к материнской груди испытывает страх смерти, он отщепляет его и проецирует на мать. Пребывание этого страха некоторое время в материнской груди позволяет сделать это чувство приемлемым для переживания психикой ребенка, после чего младенец вновь принимает этот страх смерти внутрь, но уже не в виде исходных непереваренных бета-элементов, а переработанных в альфа-элементы. Однако не всегда мать готова принять проекцию, в таком случае альфа-функция не выполняется должным образом (Bion, 2014a). Младенцу возвращается его переживание, только уже лишенное первоначального значения – страха смерти. Ребенок реинтроецирует чувства, которым по-прежнему свойственна хаотичность, что приводит к так называемому состоянию «безымянного ужаса» (Bion, 2014b, p. 362). Потери, в том числе получение нарциссической травмы как повреждение Я, возвращают человека в состояние «безымянного ужаса», характеризующееся ощущением незащищенности и невозможности выдерживать дискомфорт и эмоциональную боль, что объясняется недостаточным контейнированием в раннем детстве.

Я рассказывающее

Как отмечает М. Кляйн в работе «Печаль и маниакально-депрессивные состояния», потери возвращают человека в состояние инфантильной депрессивной позиции (Кляйн, 1940). На депрессивной позиции младенец начинает чувствовать, что его агрессия и возникшая в результате проекция отчасти и делают объект плохим. С одной стороны, такое понимание облегчает процесс интеграции объекта, как внутреннего, так и внешнего. С другой стороны, на этой стадии развития ребенок страдает от чувства вины и напряжения вследствие осознания разрушительных последствий собственных неконтролируемых агрессивных фантазий (Кляйн, 1957). Ранняя депрессивная позиция связана с меланхолией, возникающей относительно потери объекта. Сначала ребенок печалится из-за потери груди и связанных с ней благ. Далее эдипова ситуация снова сталкивает ребенка со страхом потери хороших объектов. Так, персекуторная тревога и

страх уничтожения, связанные с внутренними орально-садистическими (то есть желание забрать у груди ее благо) и анально-садистическими (то есть желание испортить грудь, поместив в нее свои плохие части – экскременты) импульсами младенца (Кляйн, 1946), дополняются страхом утраты любимых объектов.

Впоследствии возвращение человека к ранней депрессивной позиции, спровоцированное потерями, происходящими на том или ином этапе жизни, реактивирует все обозначенные выше страхи и тревоги, включая персекуторную тревогу, являющуюся наследием параноидно-шизоидной позиции, чувство вины и печаль, ранее появляющиеся в связи с угрозой потери хороших объектов, будь то на этапе отнятия от груди или в условиях эдиповой ситуации. Желание мести, как уже было обозначено выше, провоцируется возвращением к состоянию уязвленного Я. Субъект, оказавшийся в состоянии угрозы потери или непосредственно столкнувшийся с потерей, формирует историю, повествующую, как он оказался в подобном уязвимом положении, характеризующемся повреждением и обеднением Я. Такая история реконструирует сюжеты, связанные с потерями, с которыми человек столкнулся в своем детстве. Ранее я уже сделала вывод, что стремление отомстить по своей природе близко к зависти. То есть фантазии о мести – своеобразная регрессия к защитным механизмам, характерным для параноидно-шизоидной позиции. Саму параноидно-шизоидную позицию можно рассматривать в качестве защиты от страхов и тревог депрессивной позиции, которые актуализируются в качестве реакции на потерю (Бриттон, 2006; *Joseph*, 1989). Зависть к материнской груди, в свою очередь, тесно связана с ревностью. У ребенка появляется ревность в связи с тем, что в отношениях матери и ребенка появляется третий – отец. Ребенок соперничает с отцом за материнскую грудь и мать (Кляйн, 1957). Такая триангуляция отсылает нас к ранним стадиям развития эдипова комплекса, приходящимся на период перехода к депрессивной позиции. Таким образом, сконструированная субъектом история, рассказывающая о ситуации зарождения желания отомстить и представляющая последующую эволюцию фантазий о мести, может иметь в основе сюжет параноидно-шизоидного характера, неявно содержащий отсылку к зависти ребенка по отношению к материнской груди, и сюжет депрессивного характера, неявно отсылающий к ревности в условиях соперничества в ситуации эдипова конфликта.

Кроме латентных отсылок к той или иной потере, произошедшей в раннем возрасте, история имеет манифестное содержание, то есть то содержание, которое является явным для сознательного самого субъекта и которое представляется субъектом окружающим его людям. Так в качестве второго этапа динамики желания мести появляется Я рассказывающее. Надо сказать, что у Я рассказывающего есть своя аудитория – «слушатель» этой истории. Значение наличия такой аудитории велико, так как субъекту, испытывающему желание мести, в настоящий момент нужна легитимация его желания. Аудитория выполняет функции третьего. Знакомство с историей кого-то еще – третьего – придает ценность и смысл этой истории (*LaFarge*, 2006). В ряде случаев субъект даже не говорит о

своем разрушительном стремлении нанести ответный удар, однако ожидает критику объекта-агрессора, считываемую как поддержку самого себя. Использование расщепления как защитного механизма параноидно-шизоидной позиции активизирует разделенность Я на плохую и хорошую часть, а также отношение к внешним объектам как отдельным положительным и отрицательным частям. Регрессируя и становясь беспомощным, уязвимым, субъект ожидает поддержки от внешнего объекта, бессознательно маркируя объект, оказавший ему такую поддержку, как хорошую опекающую мать. Также могут появиться фантазии о том, что слушатели истории необходимы, в случае если акт мести все-таки будет в перспективе совершен, для возможности достижения экстатического момента триумфа Я, подпитывающегося еще и внешней поддержкой.

Итак, сюжет манифестной истории построен по мотивам сюжета, описывающего появление зависти в детстве, и сюжета, в центре которого оказываются соперничество и ревность, характерные для эдиповой ситуации. Как зависть, так и ревность предполагает наличие не только субъекта, но и внешнего объекта. В случае ревности нужны как минимум два внешних объекта, так как потеря субъектом любимого объекта произошла по причине наличия объекта-соперника. Любимый родительский объект в рамках эдиповой ситуации оказывается неверным, в результате происходит расщепление этого объекта на две части, хорошую и плохую. Плохая часть идентифицируется с садистическим объектом-соперником, на нее проецируется агрессия и самого уязвленного субъекта. Хорошая часть поддерживает субъект и разрешает наказать соперника в ответ (Steiner, 1996). Как и зависть, месть предполагает желание субъекта испортить объект, вложив в него свои плохие части.

Другая перспектива для рассмотрения этой манифестной истории представлена в работах Л. Лафарж (LaFarge, 2004; LaFarge, 2006). Этот подход основан на концепции расщепленной фантазии о воображающем и воображаемом. Это фантазия о том, как внутренний мир ребенка формируется в результате взаимодействия с родителем, который, в свою очередь, пытается вообразить внутренний мир ребенка (LaFarge, 2004). Таким образом, такая фантазия включает три репрезентации, а именно ребенка, передающего свой опыт восприятия мира родителю, воображающего родителя, а также влияния, которое воображаемый родителем образ внутреннего мира ребенка имеет на последующее развитие этого внутреннего мира. Манифестная история зарождения желания мести также отсылает к фантазии о воображающем и воображаемом. Этим воображаемым является сам субъект. Внешний объект – родитель, воображающий внутренний мир ребенка, – расщепляется на хорошую и плохую часть. В контексте желания отомстить в качестве плохой части выступает объект-агрессор, повредивший Я субъекта. Одна часть воображающего родителя воспринимается как преследующая и садистическая, так как ребенок чувствует себя инкапсулированным, а именно что родитель не просто наблюдает за ним, но и поглощает его. Та же персекуторная тревога возникает относительно объекта-агрессора. В ответ у воображаемого появляется желание отомстить, то есть поменяться ролями с плохой частью воображающего

родителя, обрета всеобъемлющий контроль над ним и садистически манипулируя им. Это желание является, в частности, проекцией собственной агрессии воображаемого. Хорошая часть воображающего, наоборот, предстает в фантазиях эмпатичной, она не стремится чрезмерно контролировать субъект, поддерживает воображаемого и принимает его как хорошую, так и плохую части. В таком случае и желание наказания, испытываемое субъектом, не отвергается и получает право на существование.

У людей, страдающих злокачественным нарциссизмом, фантазия воображаемого и воображающего является хронической (*LaFarge, 2006*), что приводит к патологическому устойчивому стремлению отомстить, что отличает их от людей, у которых желание мести носит эпизодичный и краткосрочный характер. Фантазии о мести также довольно часто находят отражение в рамках психотерапевтической работы с пациентами пограничного функционирования, в частности клиентами с патологическим нарциссизмом. Дело не только в том, что пациенты приносят в терапию свою манифестную историю, описывающую атаку на них со стороны объекта-агрессора и представляющую непогрешимый образ Я субъекта, ожидая при этом поддержки их желания наказать обидчика со стороны терапевта. Кроме того, у таких пациентов в качестве негативной терапевтической реакции зарождается желание отомстить и терапевту. Пограничные пациенты имеют плохую способность к формированию отношений переноса с терапевтом. В работе с ними преобладает так называемое отреагирование переноса, то есть такие клиенты проецируют на терапевта свои чувства по отношению к той или иной расщепленной репрезентации Я или родительской фигуры (Мастерсон, 2022).

Сюжет манифестной истории, рассмотренный выше с точки зрения воображаемого и воображающего, проигрывается и в рамках терапии. Фигура терапевта выступает в роли воображающего родителя и оказывается расщепленной на плохую интрузивную часть и хорошую, эмпатичную и принимающую часть. Нарциссическим пациентам очень важно сохранить безупречный «фасад», работа же с терапевтом может угрожать раскрытием неприглядного реального Я. Сам метод свободных ассоциаций воспринимается клиентами как угроза, попытка терапевта «обнажить» пациента и контролировать его. Нет правильных и неправильных ассоциаций, и, разумеется, нет критериев, позволяющих определить корректность свободных ассоциаций или описать ассоциации в терминах «хорошая» – «плохая». В таких условиях, поддерживающих свободу выражения фантазий, человеку со злокачественным нарциссизмом сложно функционировать. Отсутствие оценки заставляет такого человека терять опору, так как свобода – это движение, выражение влечения к жизни. Нарциссический пациент не находит подтверждения своего всемогущества: он является тем самым воображаемым и страдает от персекуторной тревоги со стороны плохой интрузивной части терапевта, а следовательно, это вызывает у клиента желание поменяться с терапевтом местами и выступить садистическим воображающим родителем.

Точная интерпретация, данная терапевтом, улучшение состояния пациента очень часто провоцируют негативную терапевтическую реакцию.

Пограничных пациентов часто пугает перспектива улучшения, в результате продвижения в терапии у них возникает разочарование и желание завершить терапию (Horney, 2007). Положительная динамика состояния пациента в терапии расценивается самим пациентом как свидетельство всемогущества терапевта, что вызывает ненависть и зависть по отношению к терапевту (Кляйн, 1957), а значит, и желание отомстить, к примеру, разорвав отношения с терапевтом.

Я карающее

Надо признать, что название третьего этапа развития желания мести выглядит несколько парадоксально, потому что в логике З. Фрейда именно Сверх-Я, а не Я репрезентирует черты интроецированных родительских фигур, их строгость и склонность к наказанию (Фрейд, 2016с; Фрейд, 1924). Однако если говорить про желание мести, то речь идет о стремлении к наказанию как отражении влечений Я. Здесь я исхожу из более гибкой трактовки влечений Я с точки зрения второй теории влечений З. Фрейда, которая начала формироваться в его работе «По ту сторону принципа удовольствия»: жесткое противопоставление влечений Я и сексуальных влечений признается несостоятельным, отмечается, что влечения к самосохранению также имеют либидинозную природу (Фрейд, 2018).

Этапы динамики мести можно сопоставить с этапами болезни горя. Как уже было показано выше, нарциссическая травма оживляет вытесненные влечения. Возникновение и последующее развитие желания отомстить можно объяснить в терминах, использованных М. Торок для описания болезни горя (Торок, 1968). В случае утраты объекта запретные сексуальные желания, имеющиеся у субъекта относительно этого объекта, находят удовлетворение в галлюцинаторном регрессе. С каждым прорывом либидо и при угрозе возвращения вытесненного галлюцинаторное удовольствие, будучи подвергнутым дополнительному вытеснению, преобразуется в боль. Однако эта боль, согласно М. Торок, является носителем чудесного свойства, так как указывает на так называемый «склеп» похороненного желания (*Ibid*). Я полагаю, что аналогичный процесс разворачивается и в случае динамики желания мести. Вследствие нарциссической травмы происходит прорыв влечений в виде обрушившейся нарциссической ярости. Как и ненависть, переживаемая в случае меланхолии (Розенберг, 2018), нарциссическая ярость, будучи одним из проявлений склонности субъекта к агрессии, представляет эротизированную ненависть. Фантазии о том, как будет реализован акт мести и как ненавистный объект будет переживать это наказание, позволяют субъекту испытать садистический триумф.

Либидинальная заряженность желания мести имеет нарциссический характер, то есть речь идет о либидинальных инвестициях не внешнего объекта, а Я субъекта. Дело в том, что, несмотря на то что возникновение желания отомстить предполагает наличие объектных отношений, Я субъекта инкорпорирует объект. Здесь я намеренно говорю про инкорпорацию

как этап работы меланхолии в отличие от интроекции желаний относительно объекта как предпосылки для возможности проделать работу горя. В случае интроекции речь идет о процессе, направленном на выстраивание новых объектных отношений. Инкорпорация же предполагает, что до потери объекта между субъектом и объектом отсутствовали четкие границы, то есть имели место нарциссические объектные отношения. Я полагаю, что в основе патологического желания отомстить – именно процесс инкорпорации, так как стремление отомстить появляется с целью получения удовольствия от удержания связи с объектом. В психическом плане субъект, возвращаясь к фантазиям о наказании объекта, содержит внутри себя этот объект.

Неважно, идет ли речь о работе горя или меланхолии, и в том, в и другом случае для того, чтобы впоследствии иметь возможность перенаправить либидо на другой объект, сначала нужно гиперинвестировать потерянный объект. Как пишет З. Фрейд в работе «Печаль и меланхолия» (надо отметить, что «Горе и меланхолия» является более подходящим переводом), требуются значительные затраты времени и энергии для того, чтобы отвлечь либидо от потерянного объекта (Фрейд, 2016b). Гиперинвестиции необходимы для последующей возможности исчерпать актуальность конфликта. Появление желания отомстить также является способом гиперинвестиции. Фантазм наказания объекта с течением времени эволюционирует, обрастая новыми деталями и красочными подробностями, как обидчик будет наказан и как, в свою очередь, сам субъект испытает и насладится своим превосходством. Мне вспоминается выражение «*La vengeance se mange très-bien froide*» (Sue, 2017). Бывает, что эту фразу интерпретируют с точки зрения болезненности для обидчика, но я бы посмотрела на нее, наоборот, с точки зрения самого субъекта, задумавшего отомстить. Подача блюда в остывшем виде предполагает, что прошло уже достаточно много времени после его приготовления, что опять же можно проинтерпретировать в контексте чрезмерных инвестиций, в частности временных затрат, посвященных объекту-обидчику. Итогом проделанной работы по сверхинвестированию должно стать ослабление привязанности либидо к объекту, а значит, и желание мести будет ослаблено и потеряет актуальность. Соответствующим итогом в контексте работы меланхолии должно стать отключение объекта от инвестирования нарциссического характера, с тем чтобы обеспечить отделяемость объекта и дать возможность сформироваться новым объектным отношениям, однако построенным по тому же принципу нарциссического инвестирования.

Для того чтобы остановить инвестирование нарциссического характера, работа меланхолии использует нарциссическую регрессию как обострение слияния с объектом. Иными словами, происходит идентификация субъекта с объектом. Соответствующий этап является релевантным и в рамках динамики развития желания мести. Если желание мести чрезмерно интенсивно и захватывает субъект, то это говорит о сложности или невозможности проделать работу горя: равно как невозможно отпустить потерянный изначально неинтроецированный объект, так же невозможно восстановить и уязвленное Я. В результате снова разрастается

фальшивое Я на основе слияния Я субъекта и объекта-«обидчика». В своих фантазиях реализации мести субъект с легкостью меняется с объектом местами: теперь объект уязвлен, а субъект испытывает садистическое удовольствие. Можно сказать, что происходит идентификация с агрессором. Превращение в агрессора, который вызывал страх, позволяет избавиться от него (Бержере, 2001). И здесь мы возвращаемся к интерпретации в духе У. Биона. Если мать не принимает враждебные фантазмы ребенка, аффективность становится более скудной и ребенку приходится реинтроецировать свои переживания, лишённые прежнего смысла, но по-прежнему фрагментарные и хаотичные. Идентификация с агрессором выступает своеобразной защитой от сформировавшегося ощущения незащищенности.

В отличие от прорыва влечения в рамках болезни горя (Торок, 1968), в случае желания мести подобный прорыв эротизированной ненависти не вытесняется, так как обретает легитимацию. Происходит регресс до архаичного всемогущего карающего Я. Надо признать, Х. Кохут отмечает, что желание мести не имеет под собой рациональных оснований, так как преобладает сильная эмоциональная составляющая, а также по той причине, что у тех людей, у кого появляется подобное желание, отсутствует способность к рациональному мышлению (Kohut, 1972, p. 28). Однако в данной работе меня не интересует одномоментная реализация желания мести в результате охваченности аффектом, также вне рассмотрения – социальное одобрение. В фокусе моей работы – динамика мести в фантазиях человека, которая все-таки имеет некоторую продолжительность во времени, и эта эволюция желания мести должна иметь под собой обоснование в психическом плане. Субъект, оказавшийся в состоянии уязвимости и незащищенности вследствие потери, воспринимает мир как всеобъемлющий хаос, что на самом деле является проекцией его внутреннего хаоса. В какой-то момент боль становится непереносимой, болезненный опыт невозможно переработать, тогда субъект пытается исправить внутренний хаос вторжением во внешний мир (Newman, 2012). Тогда стирается граница между внутренним и внешним миром, и желание мести как повторение галлюцинаторного удовольствия составляет мир для субъекта. В условиях «безымянного ужаса» (Bion, 2014b) субъект оказывается беспомощным. Иными словами, есть мать не помогает переварить болезненный опыт, а отец не защищает, субъекту ничего не остается, как самому стать Отцом, а значит, и Законом (Newman, 2012). Я уязвленное надеется себя правом вершить правосудие над объектом-агрессором.

Я испорченное

Ранее я уже пришла к выводу о том, что динамика желания мести строится на механизмах нарциссического регресса и регресса к параноидным и шизоидным защитам. Посредством такой регрессии субъект пытается справиться с потерей, которую опять же стоит понимать в широком смысле, не только как потерю объекта, но и, к примеру, потерю любви, любую потерю, способную уязвить и обеднить Я субъекта. Предшествующие

рассуждения привели меня к мысли о том, что стремление отомстить ближе по природе к меланхолии, чем к работе горя. Однако остается не до конца ясным, по кому же или чему субъект проделывает работу, подобную по своей природе работе меланхолии. При меланхолии субъект чаще всего осознает факт потери, однако при этом у него нет осознания, что именно он потерял (Фрейд, 2016b). Что же происходит в рамках динамики желания мести?

Для того чтобы разобраться, восстановлю кратко логику, как развивается желание отомстить. Возникновение такого желания провоцируется появлением объекта-агрессора. В процессе эволюции желания мести субъект инкорпорирует данный враждебный объект, далее идентифицируется с ним. В результате идентификации разница между объектом и субъектом становится слаборазличимой, и субъект становится тем самым объектом-агрессором. То есть так же, как и при работе меланхолии, субъект фиксирует факт болезненного переживания и связывает его с некоторым объектом-агрессором, однако не осознает, в чем именно заключается потеря. Это объясняется тем, что чаще всего патологическое желание мести появляется у тех, кто имеет склонность нарциссически инвестировать объект, а значит, Я субъекта растворяется в слиянии. Не стоит забывать о том, что подобный механизм идентификации также имеет место при неврозе навязчивых состояний, а именно потеря запускает работу меланхолии в результате обострения конфликта амбивалентности. Если любовь к объекту может быть спасена через идентификацию по нарциссическому принципу, то ненависть к объекту – через ее обращение на себя как самонаказание (*Ibid*). То есть и в первом, и во втором случае речь идет про идентификацию. Вследствие отсутствия явной границы между объектом и субъектом думаю, не будет ошибкой сказать, что в контексте желания мести оплакиваемым объектом является сам субъект и его уязвленное Я. Возвращаясь к самонаказанию в контексте желания мести, с одной стороны, можно отметить его близость к неврозу навязчивых состояний. Однако не стоит забывать и о различии, аналогичном разграничению между меланхолией и неврозом навязчивых состояний (Фрейд, 2016с). В то время как в случае желания отомстить происходит идентификация Я субъекта с объектом-агрессором, ненависть перенаправляется от него на сам субъект, при неврозе навязчивых состояний запретные влечения остаются за пределами Я.

Желание мести оказывается в конце концов деструктивным для самого субъекта, и даже при реализованном плане отмщения он чаще всего не получает удовлетворения. И здесь я ввожу появление Я испорченного как результат патологической охваченности субъекта стремлением наказать агрессора в отместку. Субъект подозревает, что внешний объект садистически атаковал его и повредил, в результате он идентифицируется с ним, так как поглощение агрессора означает, в частности, и поглощение того, что этот атакующий агрессор забрал у субъекта. То есть у субъекта появляется надежда на восстановление своего Я. Аналогично ребенок желает овладеть родителями и контролировать их, чтобы достичь триумфа над ними. Это желание сопровождается чувством вины за свои садистические

устремления. Воспроизведение этого триумфа в фантазиях возвращает его к страху преследования и контроля со стороны собственных деструктивных внутренних объектов. Более того, поворот ненависти с утраченного объекта на себя приводит к ослаблению веры в хорошие внутренние объекты (Кляйн, 1940). Такой же механизм наблюдается и при возвращении субъекта к фантазиям о наказании объекта-агрессора в отместку. Жаждающий триумфа субъект сталкивается со своими внутренними плохими объектами. Поглощение объекта-агрессора напоминает субъекту о его собственных агрессивных влечениях. Я субъекта оказывается испорченным своими разрушительными влечениями, обращенными с объекта на себя вследствие идентификации с ним.

3. Фрейд отмечает, что опасность меланхолии заключается в том, что субъект может убить себя, если объект полностью одолел им (Фрейд, 2016b). Казалось бы, в результате нарциссической регрессии, заключающейся в слиянии с объектом, объект должен исчезнуть, будучи поглощенным Я. Однако произошло все наоборот, так как объект оказался сильнее и исчез субъект. Если быть точнее, то сильнее оказался не объект, а деструктивные влечения субъекта, последовавшие такой судьбе влечений, как обращение против собственной персоны (Фрейд, 2016a). Это приводит к захваченности Я субъекта влечением к смерти. Так и при патологическом желании мести, стойком и интенсивном, ненависть разрушает Я субъекта. В свою очередь, степень интенсивности ненависти укоренена в опыте рождения и раннего детства человека. Как считает М. Кляйн, степень выраженности деструктивных влечений зависит от комбинации факторов: внешнего опыта, к примеру трудностей, возникших при рождении, особенностей взаимодействия ребенка с матерью и конституциональных факторов, то есть врожденной силы Эго, выражающейся в способности преодолеть тревогу, боль и напряжение (Кляйн, 1957). Если такая способность выше и подкрепляется благополучным внешним опытом, то и впоследствии, когда человек, уже будучи взрослым, сталкивается с потерями, с меньшей вероятностью регрессирует к параноидным и шизоидным защитам.

Обращение ненависти на себя, происходящее в рамках динамики желания мести, является самонаказанием субъекта в результате испытываемого чувства вины за свои садистические влечения. Источником самонаказания и чувства вины является строгое садистическое Сверх-Я (Розенберг, 2018). Самонаказание, или аутосадизм, стоит отличать от мазохизма. Для того чтобы можно было говорить о мазохизме, должен быть и объект, и субъект: субъект ищет объект, проявляющий насилие и демонстрирующий свою силу по отношению к субъекту (Фрейд, 2016a). То есть мазохизм можно назвать гетеронаказанием, а именно наказанием от эдипова отца (Розенберг, 2018). В случае идентификации с объектом в рамках желания мести речь идет именно об аутосадизме, а не мазохизме, как было отмечено выше, обращении деструктивных влечений на себя. Ранее в статье уже упоминалась близость механизма желания мести и невроза навязчивых состояний. В основе невроза навязчивых состояний – также самонаказание, что согласуется с предшествующим выводом о том, что

идентификация субъекта и объекта в рамках динамики желания мести обращает садизм субъекта на самого себя.

Если мазохизм ресексуализирует эдиповы отношения, то есть вновь актуализирует эдипов комплекс, то самонаказание – наоборот, десексуализирует. Дело в том, что идентификация стирает объектные отношения. Сама совесть является результатом преодоления эдипова комплекса посредством идентификации субъекта с образом отца. Аналогично и стремление отомстить строится на десексуализации эдиповых отношений. Манифестная история желающего наказать своего обидчика довольно часто реконструирует ситуацию соперничества и ревности, однако здесь в силу нарциссической регрессии нет возвращения к сексуальным желаниям по отношению к эдипову отцу. Однако сверхинвестирование объекта посредством обращения к защитному нарциссизму позволяет позднее запустить процесс по связыванию влечений (*Ibid*). Присоединение чувства вины позволяет вновь позднее перейти к объектным отношениям. Последовательное прохождение этапов развития желания мести не гарантирует, что впоследствии у субъекта не появится подобное желание в ответ на потерю, уязвившую его Я. Скорее, наоборот, запущенная динамика желания мести говорит о сложностях или неспособности проделывать работу горя после столкновения с потерей. Чувство вины превращает садистические склонности в мазохизм, поэтому субъект рано или поздно вновь найдет объект, с которым проиграет мазохистические отношения, где внешний объект доминирует и проявляет свою силу по отношению к уязвимому субъекту, что приводит к потере, которая, в свою очередь, в очередной раз может зародить желание мести и его последующее развитие.

Если бы можно было говорить о работе мести, по аналогии с работой меланхолии или работой горя, то я бы сказала, что данная работа – последовательное развитие желания мести с последующим его ослаблением – проводится с целью, чтобы текущую потерю было легче пережить. В краткосрочной перспективе желание мести позволяет легче справиться с болезненным опытом потери и удерживает от «падения» в депрессивное состояние. Однако, к сожалению, прожитый опыт, связанный с желанием мести, не позволяет выйти из порочного круга: велика вероятность, что впоследствии субъект снова найдет объект, в отношениях с которым в очередной раз столкнется с некоторой потерей, в том числе нарциссической раной, а реакцией на эту потерю может быть то же в начале либидинально заряжающее, а затем деструктивное желание отомстить. И в случае патологического желания мести уже не «тень объекта падает на Я», по меткому выражению З. Фрейда (Фрейд, 2016b, с. 161), а я бы сказала, что Я субъекта погружается во тьму, надежда на выход из которой может появиться в рамках психотерапевтической работы, способной запустить работу горя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бержере Ж.* Психоаналитическая патопсихология: теория и клиника. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2001. 400 с.
2. *Бриттон Р.* До и после депрессивной позиции, $Ps(n) \rightarrow D(n) \rightarrow Ps(n+1)$. 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://psyjournal.ru/articles/do-i-posle-depressivnoy-rozicii-psn-dn-psn1> (дата обращения: 15.04.2023).
3. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
4. *Кляйн М.* Зависть и благодарность. 1957 [Электронный ресурс]. URL: <https://psychol.pro/ru/articles-and-books/39-klasika-psichoanaliza/106-klein-zavist-i-blagodarnost> (дата обращения: 25.01.2023).
5. *Кляйн М.* Заметки о некоторых шизоидных механизмах. 1946 [Электронный ресурс]. URL: <https://psychoanalysis.by/2018/01/19/klein/> (дата обращения: 19.02.2023).
6. *Кляйн М.* Печаль и маниакально-депрессивные состояния. 1940 [Электронный ресурс]. URL: https://www.psychol-ok.ru/lib/klein/pimds/pimds_01.html (дата обращения: 02.03.2023).
7. *Лондон Д.* Зов предков. 1903 [Электронный ресурс]. URL: <https://онлайн-читать.рф/лондон-зов-предков/> (дата обращения: 14.03.2023).
8. *Мастерсон Д.* Поиск реального Я. Личностные расстройства нашего времени. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2022. 296 с.
9. *Розенберг Б.* Мазохизм смерти и мазохизм жизни. М.: Когито-Центр, 2018. 212 с.
10. *Торок М.* Работа горя. Болезнь траура и фантазм чудесного трупа, 1968 [Электронный ресурс]. URL: https://psychoanalysis.by/2019/05/24/статья-марья-торок-работа-горя-болезнь-/?fbclid=IwAR2Q7G6KUaR_HbCC12XcN7z04mmBYheVv5F-M3WcSggtV3a49AqnKoGMWXk (дата обращения: 13.04.2023).
11. *Ференци Ш.* Теория и практика психоанализа. М.: ПЕР СЭ, СПб.: Университетская книга, 2000. 320 с.
12. *Фрейд З.* Влечения и их судьбы. Хрестоматия: в 3 т. Т. 1: Основные понятия, теории и методы психоанализа. М.: Когито-Центр, 2016(a). С. 41–72.
13. *Фрейд З.* Недовольство культурой. Харьков: Фолио, 2013. 220 с.
14. *Фрейд З.* Печаль и меланхолия. Хрестоматия: в 3 т. Т. 1: Основные понятия, теории и методы психоанализа. М.: Когито-Центр, 2016(b). С. 149–170.
15. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. Ижевск: Ergo, 2018. 120 с.
16. *Фрейд З.* Тотем и табу. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 320 с.
17. *Фрейд З.* Экономическая проблема мазохизма. 1924 [Электронный ресурс]. URL: <https://psychoanalysis.pro/934/freud-ekonomicheskaya-problema-mazohizma> (дата обращения: 13.04.2023).
18. *Фрейд З.* Я и Оно. Хрестоматия: в 3 т. Т. 1: Основные понятия, теории и методы психоанализа. М.: Когито-Центр, 2016(c). С. 235–296.
19. *Beattie H.* (2005) Revenge. Journal of the American Psychoanalytic Association, 53(2), 513–524.

20. *Bion W.* (2014(a)) A theory of thinking, in C. Mawson (Ed.) The Complete Works of W.R. Bion Volume VI (pp. 153 – 161), London: Karnac Books.
21. *Bion W.* (2014(b)) Learning from experience, in C. Mawson (Ed.) The Complete Works of W. R. Bion Volume IV (pp. 247–365), London: Karnac Books.
22. *Horney K.* (2007) The problem of the negative therapeutic reaction. The Psychoanalytic Quarterly, 76(1), 27–42.
23. *Jacoby S.* (1983) Wild Justice: The Evolution of Revenge. N.Y.: Harper & Row.
24. *Kohut H.* (1972) Thoughts on narcissism & narcissistic rage. The Psychoanalytic Study of the Child, 27(1), 360–400.
25. *Joseph B.* (1989) The patient who is difficult to reach, in M. Feldman, E. B. Spillius (Eds) Psychic Equilibrium and Psychic Change. London: Routledge. P. 75–87.
26. *LaFarge L.* (2004) The imager and the imagined. The Psychoanalytic Quarterly, 73(3), 591–625.
27. *LaFarge L.* (2006) The wish for revenge. The Psychoanalytic Quarterly, 75(2), 447–475.
28. *Maruna S., Matravers A., King A.* (2004) Disowning our shadow: a psychoanalytic approach to understanding punitive public attitudes. Deviant Behavior, 25(3), 277–299.
29. *McCullough M.* (2008) Beyond Revenge: The Evolution of the Forgiveness Instinct. San Francisco: Jossey-Bass, A WileyImprint.
30. *Newman Y.* (2012) On revenge. Psychoanalysis, Culture & Society, 17(1), 1–15.
31. *Steiner J.* (1996) Revenge and resentment in the “Oedipus situation”. International Journal of Psychoanalysis, 77(3), 433–443.
32. *Sue E.* (2017) Mathilde: mémoires d’une jeune femme. [Ressource électronique]. Disponible sur: <https://www.litres.ru/book/ezhen-su/mathilde-25476527/> [20 avril 2023]

Revenge: A Psychoanalytic Perspective

D. V. Salnikova

Salnikova Daria V., psychoanalytically oriented psychotherapist, PhD (Sociology), Associate Professor, Department of Higher Mathematics (National Research University Higher School of Economics).

Revenge is a ubiquitous phenomenon known since ancient times, while in some cultures, retribution practices are even institutionalized. Despite this, there are not so many papers studying the wish for revenge and its dynamics from a psychoanalytic point of view. In this article, I make an attempt to understand and reconstruct the development of the wish for revenge at the metapsychological level. I have divided the dynamics of the wish for revenge into 4 stages, namely, “Ego injured”, “Ego telling stories”, “Ego punitive” and “Ego spoiled”. In line with this division, the article consistently examines the prerequisites that determine a person's propensity for revenge, analyzes the manifest story of a person who craves revenge, the subsequent regression to the archaic omnipotent Ego and legitimization of the punishment of the aggressor object. In addition to this, the destructiveness of a persistent and intense desire for revenge is discussed. As a result, I demonstrate that by its nature, the wish for revenge is similar to the work of melancholy. This study may be of interest to psychoanalytic psychotherapists, whose clients' material refers to the topic of revenge, and / or those psychotherapists who have experienced revenge as a negative therapeutic reaction.

Keywords: wish for revenge, metapsychology, aggressive drive, melancholy, incorporation, identification, manifest story, narcissistic regression, regression to paranoid and schizoid defenses.